

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47+57)“1917/1958”

**40 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ:
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЕЙ
И ЭПОХОЙ ХРУЩЕВСКИХ ГОНЕНИЙ (РЕЦЕНЗИЯ НА
МОНОГРАФИЮ: А. РОККУЧЧИ. «СТАЛИН И ПАТРИАРХ.
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, 1917 –
1958». М.: РОССПЭН, 2016. – 584 С.)**

С. Л. Фирсов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии, кафедра философии религии и религиоведения,
г. Санкт-Петербург, Россия

Рецензия посвящена монографии профессора Римского университета А. Роккуччи, исследовавшего церковно-государственные отношения в Советском государстве – от революции 1917 г. до эпохи так называемых «хрущевских гонений» на Русскую Православную Церковь. В рецензии говорится о методологических приемах А. Роккуччи, рассматривающего церковно-государственные отношения в контексте вопроса о «харизмах» – светского правителя и патриарха..

Ключевые слова: Патриарх, Русская Православная Церковь, революция, Советская власть, И. В. Сталин, Н. С. Хрущёв, Тихон (Беллавин), Сергей (Страгородский), Алексий (Симанский).

В 2011 г. в Туринском издательстве «Einaudi» увидела свет новая книга профессора новейшей истории университета «Рим III» Адриано Роккуччи (Adriano Rossucci, *Stalin e il Patriarca. La Chiesa ortodossa e il potere sovietico, 1917–1958*), посвящённая отношениям, существовавшим между советскими руководителями и предстоятелями Русской православной церкви в период от революции 1917 г. до начала нового, так называемого «хрущевского» наступления на религию и церковь. В 2016

г. эта книга, переведённая на русский язык, стала доступна массовому читателю в России. Учитывая, что в постсоветской России делается достаточно много для изучения советского прошлого и в частности для исследования государственно-церковных отношений, публикуются сборники документов и материалов на указанную тему, вполне корректен вопрос, насколько книга профессора А. Роккуччи может быть признана своевременной и полезной, причём не только для итальянского,

но и для русского подготовленного читателя, лучше знакомого с данной проблематикой.

На мой взгляд, эта книга и своевременна, и полезна, причём не только для историков Русской православной церкви и специалистов по советскому периоду, но и для более широкого круга читателей – и культурологов, и политологов, и социальных психологов. Дело в том, что автор не только воссоздаёт собственно историю государственно-церковных отношений, рассматривая их через призму «религиозной» политики коммунистических лидеров, но также изучает логику этой политики, связывая её с имперским контекстом России дореволюционной. Делает он это профессионально, не стремясь прибегать к шаблонным выводам и банальным констатациям, к сожалению, нередко встречающимся в работах современных российских учёных, поменявших оценочные знаки (с советского «минуса» на новые «плюсы»). А. Роккуччи – не прокурор и не адвокат прошлого, он не должен характеризоваться только в качестве честного «реконструктора». Профессор, прежде всего, – аналитик, стремящийся постичь глубинные мотивы, заставлявшие и советских, и церковных лидеров принимать те или иные решения, которые по прошествии многих десятилетий часто выглядят парадоксальными.

Для того чтобы понять, как он исследует настоящую тему, необходимо внимательно рассмотреть его работу, состоящую из предисловия, девяти глав и послесловия.

В предисловии автор не только и не столько рассматривает конкретные вопросы, которые предстоит

решить в работе, сколько говорит об историческом контексте, вне которого понять суть государственно-церковных отношений и советскую церковную политику можно лишь в самых общих чертах. Обращая внимание на взаимосвязь, существовавшую в доимперской России между царём и патриархом, А. Роккуччи справедливо указывает, что после восстановления патриаршества русская церковь вновь открыла для себя харизматичность патриаршества как такового. Средоточием церковности вновь стал первосвященник, что не могло не сказаться на отношениях церкви с государством тогда, когда Сталин позволил ей в 1943 г. провести собор и избрать Сергия (Страгородского; 1867–1944) патриархом. «Харизма патриарха в церкви, даже ослабленной репрессиями, которым её подвергла та же самая сталинская власть, – полагает учёный, – соотносилась (парадоксальным, почти невероятным образом, во многих отношениях трагически, но, тем не менее, результативно) с харизмой светского правителя – такого политического лидера, как Сталин, который проявил себя неумолимым гонителем церкви» (с. 11).

На данное обстоятельство, насколько мне известно, исследователи советского периода не обращали должного внимания, точно так же как и на то, что именно имперские традиции русской истории, своеобразно воспринятые советской властью, стали основой, на которой с 1943 г. удалось урегулировать отношения между светской и церковной харизмами (См.: с. 12). Следуя этой логике, А. Роккуччи полагает, что после смерти Сталина его преемник,

являвшийся заложником партаппарата, не имел уже тех возможностей, которыми располагал всесильный советский вождь. В результате патриарх остался без «царя», и в истории Русской церкви открылась новая страница, возобновилась антирелигиозная борьба и усилились преследования верующих. Собственно, объяснению того, как и почему это было, и посвящена книга.

Для того чтобы лучше объяснить свои тезисы, показать динамику государственно-церковных отношений, начиная с сентябрьской 1943 г. встречи Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским; 1877–1970), Николаем (Ярушевичем; 1891–1961) и вплоть до 1957–1958 гг., автор делает необходимый экскурс в прошлое: первые три главы своего исследования посвящает предыстории этой встречи. В первой главе кратко анализируется проблема отношений патриаршей церкви в революционный период, во второй – стремление власти полностью уничтожить институциональную церковь, и в третьей – ситуация, сложившаяся в государственно-церковных отношениях в первый период Второй мировой войны (1939–1943 гг.). В этих главах, написанных ярко и глубоко, к сожалению, иногда встречаются досадные, по большей степени «технические», ошибки.

Так, вспоминая о петровской церковной реформе, автор пишет, что в результате её проведения «управление церковью перешло к синоду епископов под председательством назначенного императором высокопоставленного государственного чиновника – обер-прокурора» (с. 26). Но обер-прокурор Св. Синода никогда не был и не мог быть

председателем Синода, да и по-настоящему «высокопоставленным» этот чиновник стал далеко не сразу, а в эпоху императрицы Анны Иоанновны обер-прокуроров вообще не назначали.

Князь А. А. Ухтомский (епископ Андрей) обратился в православие не под воздействием «новой атмосферы», возникшей в русском обществе в начале XX в. (с. 29), а в возрасте 21 года, в 1891 г. поступив в Московскую духовную семинарию и в 1895 г. приняв монашеский постриг.

В ноябре 1941 г. Сергий (Воскресенский; 1897 – 1944) был не архиепископом (с. 113), а митрополитом.

Упомянутый Сталиным в 1941 г. Дмитрий Донской не был в то время канонизированным русским святым, как об этом пишет А. Роккуччи (с. 152); его причислили к лику святых лишь на Поместном соборе 1988 г.

Не следовало бы, на мой взгляд, без объяснений упоминать о «безбожной пятилетке» (с. 79): воспринимать доклад Е. М. Ярославского «О пятилетнем плане работы безбожников» следует с учётом того, что Союз воинствующих безбожников, им возглавлявшийся, был, несмотря на поддержку государства, общественной организацией.

И, наконец, последнее, на что хотелось бы обратить внимание: А. Роккуччи упоминает о том, что в 1930 г. Е. А. Тучков заставил митрополита Сергия (Страгородского) дать интервью, в котором заявлялось, что в Советском Союзе гонений на христиан нет. Известно, что митрополит вообще никакого интервью не давал: его составили Ярославский, Молотов и Сталин. Вопросы и ответы были подготовлены

для печати советскими деятелями, Сергей ознакомился с текстом уже после того, как он был опубликован. Об этом, на основании текстологической экспертизы, убедительно написал И. А. Курляндский¹. Его монография была опубликована в 2011 г., и А. Роккуччи, понятно, не мог знать об этом. Но при подготовке книги для русского читателя следовало бы с работой И. А. Курляндского ознакомиться. Это было бы тем важнее, что позволило бы ещё лучше проиллюстрировать принципиальный тезис профессора о неизменности идеологической позиции советской власти касательно религии, хотя эта политика в разные периоды времени была различной.

Впрочем, сказанное никак не влияет на общую оценку проделанной А. Роккуччи огромной работы. Большинство его замечаний и характеристик – верны и полностью подтверждаются источниками. Так, он абсолютно прав, когда подчеркивает: церковному подполью, существовавшему в СССР в 1920–1930-е гг., не был присущ дух противостояния церковному руководству митрополита Сергия (с. 101), который стал заложником строившего безрелигиозное общество государства. Автор пишет о митрополите Сергии корректно, не стремясь ни обвинять его в излишнем сервизме, ни оправдывать этот сервизм. Да и можно ли было поступать иначе, учитывая, что к 1941 г. число репрессированных за веру составило 350 тыс., из

которых только в 1937 г. 80 тыс. расстреляли? (См.: с. 112).

В третьей главе монографии А. Роккуччи показывает, почему в условиях приближения глобальной войны Сталин решил сконцентрироваться на достижении задач, не имевших ничего общего с разработкой стратегии и форм антирелигиозной борьбы тем более, что после присоединения к СССР новых земель на западе и юге (Прибалтика, часть Финляндии, Западная Украина и Западная Белоруссия, Бессарабия и Северная Буковина) в состав Русской православной церкви вошли сотни тысяч православных, до того живших вне пределов социалистического мира. С «новыми верующими», по крайней мере изначально, не следовало обращаться так, как обращались с верующими Советского Союза. Другое изменение в отношении верующих, о котором пишет автор, было связано с начавшейся 22 июня 1941 г. Великой Отечественной войной: на оккупированных фашистскими войсками территориях стали открываться ранее закрытые большевиками храмы. Автор верно подмечает, что оккупационные власти не столько сознательно содействовали этому процессу, сколько «просто не чинили ему препятствий и относились к нему терпимо» (с. 130). Это – важное замечание, позволяющее лучше понять логику политики оккупационных властей на оккупированных территориях СССР, а также разобраться в тех действиях, которые должна была предпринимать советская власть после того, как эти территории были освобождены от врага (тем более, что с самого начала войны Русская православ-

¹ Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 432–463.

Kurljandskij I. A., *Stalin, vlast', religija*, М., 2011, S. 432–463.

ная церковь заняла безусловно патриотическую позицию, поддерживая советских властителей в деле организации победы над гитлеровской Германией и её союзниками).

Следующие пять глав уже непосредственно касаются положения Русской православной церкви в последнее сталинское десятилетие. Их можно назвать «центральными», основными главами настоящей книги. Автор подходит к своей теме, вооружившись знаниями о сталинской политической системе, доказывая, что «именно в контексте реорганизации системы власти и противоречий между разными ее элементами (происходившими в период войны. – С. Ф.) и надо рассматривать вопрос об изменениях в религиозной политике» (с. 190). А. Роккуччи показывает, почему светским властям, изменившим религиозную политику в отношении церкви, целесообразнее было иметь дело с централизованной структурой Московской патриархии, доказывая, что это значительно облегчало контроль за её деятельностью. Именно по этой причине руководство Совета по делам Русской православной церкви, прежде всего его председатель офицер госбезопасности Г. Г. Карпов, поддерживало тесные контакты с патриархами, первоначально с Сергием (Страгородским), затем с Алексием (Симанским). «Отношения с архиереями, – пишет профессор, – поддерживались ради того, чтобы гарантировать плодотворное сотрудничество с высшим церковным руководством, что являлось необходимым условием для эффективного выполнения стоявших перед советом задач» (с. 201). Епископат, впрочем, не только контролировали, но и «ласкали» (разумеет-

ся, ровно настолько, насколько было выгодно светской власти, преследовавшей собственные стратегические цели).

Автор прав, когда называет сложившиеся после 1943 г. государственно-церковные отношения компромиссом, гарантировавшим долговременную стабильность. Подтверждением этого стал Поместный собор 1945 г., избравший митрополита Алексия (Симанского) патриархом. Собор являл собой картину «церковного возрождения», в декларативной констатации которого Сталин в то время был заинтересован. Вполне закономерно, что объяснению данной заинтересованности А. Роккуччи посвятил отдельную главу под названием «Православие и геополитика».

В этой главе он делал важнейший, на мой взгляд, вывод о том, что в основе русского национального самосознания всегда (и до революции, и в сталинские времена) лежала не секуляризованная идеология, а универсалистское мышление, до 1917 г. – религиозного, а затем парарелигиозного типа, естественной формой выражения которого была империя. «Именно на этой почве православная церковь – душа имперского сознания царской России – и сталинизм – мотор имперской экспансии советской России – смогли сблизиться; именно имперское мышление стало их общей основой для парадоксального совпадения их не просто несовместимых, но и взаимно противоречивых целей». Таким образом, заявляет учёный, главные причины изменения отношений к православной церкви следует искать в перспективах имперской экс-

пансии и открывшихся геополитических горизонтах. (с. 227–228).

Представляется, это наиболее верное определение, позволяющее понять причины принятия Сталиным «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Это определение позволяет без особых затруднений разобраться и в причинах, заставивших советские власти оказать содействие Московской патриархии в деле присоединения к ней западно-украинских греко-католиков. В новых условиях власть желала как можно скорее «переориентировать» христиан, ранее подчинявшихся власти Папы Римского, на следование в фарватере контролируемой ими Московской патриархии. Цели патриархии и советского руководства на тот момент совпали и, как показывает автор, случайностью это признать невозможно.

Привлечение Русской православной церкви к активной деятельности не могло не включать и международную составляющую. Соответственно, росло и международное значение совсем недавно гонимой церкви. На международной арене она выступала безусловным помощником советских лидеров. А. Роккуччи, посвятившей рассмотрению данного обстоятельства много страниц своей книги, видит причины этого не только в несвободе церкви. Он точно отмечает, что для Русской церкви всегда была характерна глубокая связь между православием, национально-имперским сознанием и государством. Представители церкви, пишет автор, не могли и помыслить о проведении такой внешней политики, которая шла бы вразрез с интересами государства, была

бы абсолютно от него независимой. Конечно, Сталин разыгрывал «карту православия», стремясь достичь те цели, которые казались ему вполне реальными в условиях, сложившихся в результате победы в Великой Отечественной войне.

Но могла ли Русская православная церковь полностью соответствовать тем задачам, которые с её помощью стремился решить советский лидер?

Автор показывает, что этот вопрос не имеет простого ответа. Тем более, что коммунистическая власть не стремилась восстановить церковные структуры не только в дореволюционном «формате», но даже в количественных показателях первой половины 1920-х гг. В книге показано, что число открытых коммунистическими властями церквей не превышало 9 % от их общей численности: большинство храмов (52,7 %) были открыты во время немецкой оккупации, а 17,4 % составляли перешедшие к Московской патриархии греко-католические храмы Западной Украины. Никогда не закрывалась лишь 3021 церковь (21,1 %), но подавляющее число этих церквей ранее находились на территориях, отошедших к Советскому Союзу в 1939–1940 гг.

Статистика красноречиво свидетельствовала: Русская православная церковь не имела возможности полноценно восстанавливаться после двух десятилетий жесточайших на нее гонений. Да, ей предоставили некоторую свободу действий, но, как указывает А. Роккуччи, философия «нового курса» властей в отношении РПЦ заключалась в том, чтобы при этой свободе её ограничивать и дер-

жать под контролем. Степень жёсткости контроля зависела, среди прочего, и от того, какие силы в советском политическом руководстве оказывались более влиятельными: правительственные или партийные. Автор прекрасно понимает зависимость религиозной политики от названного фактора, посвятив специальную главу турбулентности советской системы. Правда, думается, то была вполне контролируемая турбулентность. Контроль за ней находился в руках у одного человека, точно названного А. Роккуччи *гарантом status'a quo*.

В условиях возраставшего идеологического противостояния Советского Союза и Запада возростала и роль партийной идеологии, всегда непримиримо относившейся к религии и церкви. В книге показано, как в 1948–1949 гг. коммунистические идеологи начинают новый антирелигиозный поход, в определённой степени стремясь если не уничтожить, то во всяком случае ужесточить прежнюю, образца 1943-го г., государственную политику в отношении РПЦ. В книге показано, как в то время председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов теряет прежние рычаги политического влияния, вынужденно ориентируясь на ЦК ВКП (б), не имея более возможности пренебрегать указаниями его официальных представителей. По мнению А. Роккуччи, в условиях всевластия Сталина это не означало изменения прежней религиозной политики, а лишь указывало границы терпимости, переходить которые церкви не дозволялось (с. 312).

Я не знаю, насколько правильно таким образом расставлять акценты, имея в виду, что Сталин в те годы

уже разочаровался в возможности РПЦ играть серьёзную внешнеполитическую роль и перестал рассматривать её в качестве реальной силы, которую может использовать Советский Союз в своих геополитических играх (прежде всего – на Ближнем Востоке). Можно предположить, что это быстро поняли партийные идеологи и попытались воспользоваться ситуацией. Однако это лишь моё предположение. Не будем забывать и того обстоятельства, что начиная с 1934 г. Сталин не избирался Генеральным секретарем партии (почему и титуловать его таким образом не стоит), оставаясь до конца жизни «просто» секретарем ЦК ВКП (б)/КПСС. «Вождь» не нуждался в должности высшего партийного функционера, лишь в 1940 г. возглавив советское правительство. К слову сказать, никогда не был первым секретарем ЦК КПСС и заменивший Сталина на посту председателя Совета министров СССР Г. М. Маленков. Поэтому в марте 1953 г. он не мог просить Пленум ЦК освободить его от обязанностей первого секретаря: он был только секретарем ЦК (с. 370–371).

Одно несомненно: возвращаясь к эпохе 1948–1949 гг., следует полностью поддержать тезис автора об окончательном возвращении религиозной политики под контроль ЦК, осуществлявшийся через отдел агитации и пропаганды, а также о Сталине как о гаранте равновесия в государственно-церковных отношениях. Будучи полновластным хозяином страны, Сталин поддерживал и «монархическое» устройство церковного управления (вызывавшее нарекания, в частности, со стороны митрополита Николая (Ярушевича). А.

Роккуччи тонко замечает, что такой порядок не раздражал и председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова, считавшего, «что он в гораздо большей степени гарантирует как лояльность церкви государству, так и эффективный контроль за её жизнью» (с. 329). В «монархическом» Советском Союзе церковь вряд ли могла восстановить «демократические» принципы управления, выработанные Поместным собором 1917–1918 гг.

Рассматривая основные положения книги А. Роккуччи, следует также отметить его рассуждения о роли русской церкви в деле окормления верующих жителей российской и украинской деревни. Он обратил внимание на связь традиционного крестьянского уклада и церковной жизни, указав, что радикальное преобразование деревни, начатое большевиками в 1930-е гг., в послевоенный период успешно для власти завершилось. И хотя церковь «всё-таки не ушла из деревни», в 1950-е гг. ситуация для неё менялась коренным образом: в РСФСР к 1958 г. численность городского населения впервые за многовековую русскую историю превысила численность сельского населения. Вывод автора о том, что с тех пор «деревня уже не представляла собой глубинное “нутро” русского православия, откуда брались силы народа», по существу верен, равно как верно и заключение о том, что с тех пор «церковь больше не могла связывать себя и свою миссию прежде всего с сельским миром» (с. 338). Будущее РПЦ с тех пор (и по сей день), действительно, связывалось с городом. Это – принципиальный вывод, без понимания которого трудно

разобраться в дальнейшей истории русской церкви и в Советском Союзе, и в постсоветской России.

К тому времени, как показывает автор, руководители Московской патриархии сумели справиться с главной своей задачей: начать процесс возрождения священнослужителей, добиться того, чтобы в церковь пришло новое поколение клириков. В книге показано, что новое поколение духовенства приобретало новый облик, в его составе уменьшалась доля выходцев из крестьян, зато возрастало число представителей города, людей с более высоким образовательным цензом.

В таком состоянии находилась Русская православная церковь к тому времени, когда умер Сталин и в руководстве Советского Союза произошли значительные перемены. Этим переменам посвящена девятая, заключительная глава книги. В ней автор рассказывает, почему в тот период церковное руководство пережило страх, опасаясь возобновления репрессивной политики, как нестабильность политической системы сказывалась на церковной политике (в качестве примера А. Роккуччи приводит историю двух постановлений ЦК КПСС – от 7 июля и от 10 ноября 1954 г.). Материалы, им приводимые, свидетельствуют о том, что государственно-церковные отношения постоянно осложнялись противоречиями – даже в условиях их относительной «стабильности».

Противоречия эти были неизбежны в силу того, что правящая партия никогда не скрывала своей цели окончательно «победить» религию, «перевоспитав» советских граждан в сторонников атеистического

мировосприятия, а советское государство, следуя собственным конституционным положениям, заявляло о возможности существования религии и церкви. Вопрос осложнялся ещё и тем, что при решении конкретных политических проблем светские власти СССР должны были учитывать не столько собственные идеологические постулаты, сколько глобальные, стратегические интересы страны. Автор показывает, как это было, на примере так называемой «украинской аномалии». На западных территориях Украинской ССР проводить антирелигиозную политику было тем опасней, что она неизбежно порождала бы антисоветские настроения среди массы верующих, выросших и сформировавшихся вне пределов «государства рабочих и крестьян». В данном регионе властям приходилось, несмотря на официальную идеологическую позицию, поддерживать РПЦ, укрепление которой объективно содействовало и укреплению советской власти. Упомянутый парадокс, на который обратил внимание А. Роккуччи (с. 391–401), весьма показателен, поскольку свидетельствует о том, что идеологические принципы далеко не всегда можно сопрягать с государственной пользой, что государство всегда «шире» декларируемых его лидерами партийных постулатов.

С другой стороны, к середине 1950-х гг. и РПЦ окончательно научилась жить в новой системе координат, не противопоставляя себя государству, а стремясь использовать все возможности для своего внутреннего роста и укрепления позиций внутри советского общества. Пришедшие в церковь новые поколения верующих выросли при советском

социализме и, как указывает А. Роккуччи, были не столь восприимчивы к вопросам правового характера, связанным с положением религии в стране. Иначе говоря: к 1950-м гг. в основном изменилась и сама психология верующих. Материалы, представленные и систематизированные в книге А. Роккуччи, позволяют прийти к этому выводу. И всё же избежать новых гонений церкви не удалось. Почему? Ответ на данный вопрос можно найти, вновь вспомнив о противоречии, существовавшем между антирелигиозными принципами и установками партийной идеологии и государственными установлениями, отражёнными в советских законах. Партийные идеологи никогда не были сторонниками «нового курса» государственно-церковных отношений, всегда стремились его уничтожить. В условиях господства в Советском Союзе коммунистических принципов это не должно выглядеть странным. В 1957 г. они могли праздновать победу: ставленник партаппарата Н. С. Хрущев одержал верх над «антипартийной группой», во главе которой стояли старые сталинские соратники – В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. М. Каганович. Победители постарались существенно скорректировать прежние договоренности с церковью, осуществив то, что им не удалось в конце 1940-х гг. А. Роккуччи отмечает: «Цель ликвидации послевоенной системы отношений между государством и церковью, которую не удалось осуществить сначала в 1949 г., из-за запрета Сталина, а потом – в 1954 г., в силу обстоятельств борьбы за власть между его наследниками, в 1958 г. была достигнута ЦК под руководством

его идеологов во главе с Суловым» (с. 425).

Однако полностью убрать церковь из жизни общества коммунистическим властям не удалось: пережив новые гонения, она сумела не только сохранить свои структуры, но и создать «в советском мире свою систему координат, оказывавшую немалое влияние не только на культуру и национальное самоопределение, но и на отношения между властью и обществом» (с. 440). Как только ситуация изменилась православию, являвшееся «подземным потоком» в недрах советского общества, сумело быстро выйти наружу. А.Роккуччи, которому и принадлежат цитированные выше слова, предполагает также, что «диалектику от-

ношений между харизмами двух властей – патриарха и царя, власти церковной и светской – приняла по наследству уже посткоммунистическая Россия, в истории которой открывалась новая страница» (с. 442). Он говорит о том, что «харизматическая» парадигма государственно-церковных отношений, имеющих многовековую традицию, остается неизменной, как неизменной была и в годы господства коммунистической идеологии. Насколько это верно – покажет будущее, для понимания которого книга Адриано Роккуччи, блестяще написанная, глубоко выверенная и серьёзно аргументированная, не может не сыграть исключительно позитивную роль.

40 YEARS OF SOVIET POWER: THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH BETWEEN REVOLUTION AND THE ERA OF KHRUSHCHEV'S PERSECUTIONS (REVIEW FOR MONOGRAPH: A. ROCKUCHCHI, «STALIN AND PATRIARCH: ORTHODOX CHURCH AND SOVIET POWER, 1917 - 1958». Moscow: ROSSPEN, 2016. - 584 S.)

Sergey L. Firsov

The St. Petersburg State University, the Institute of Philosophy, the Department of philosophy religion and religious studies, *St. Petersburg, Russia*

The review is devoted to the monograph of Professor of Rome University A. Rocucci, who studied Church-state relations in the Soviet State from the 1917 revolution to the era of the so-called "Khrushchev persecution" of the Russian Orthodox Church. It is said about the methodological techniques A. Rocucci considering Church-state relations in the context of the issue of "charisma" – a secular ruler's and the Patriarch's.

Keywords: Patriarch, Russian Orthodox Church, revolution, Soviet power, I. V. Stalin, N. S. Khrushchev, Tikhon (Bellavin), Sergius (Stragorodskiy), Aleksey (Simanskiy).

Об авторе:

ФИРСОВ Сергей Львович – доктор исторических наук, профессор, кафедра философии религии и религиоведения, Институт философии,

Санкт-Петербургский государственный университет, (99034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5), e-mail: sfirsofff@mail.ru

About the author:

FIRSOV Sergey L. – the Doctor of History, the Professor, the Department of philosophy religion and religious studies, the Institute of Philosophy, the St. Petersburg State University, (199034, St. Petersburg, Mendeleev line 5), e-mail: sfirsofff@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.12.2016 г.